

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Этот раздел журнала «Мир России» подготовлен по материалам VII Международной научной конференции «Модернизация экономики и государство» (4–6 апреля 2006 г., Москва), проводившейся Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председатель Оргкомитета конференции – научный руководитель ГУ-ВШЭ, профессор Е.Г. Ясин.

В рамках конференции было проведено заседание секции «Сравнительный анализ роли государства и модернизации экономик стран СНГ и Центральной и Восточной Европы» (председатель О.И. Шкаратан). Мы публикуем статьи, подготовленные участниками заседания. В следующих номерах журнала предполагается продолжение публикации материалов конференции.

Факторы и последствия реформ по-российски¹

О.И. ШКАРАТАН

Экономические реформы и в России, и странах Балтии, так же как и в Центральной и Восточной Европе, начинались с лозунга «Назад в Европу». И элита всех этих стран, и большинство населения, особенно интеллигенция, были твердо убеждены в том, что к этому приведут энергичные либеральные реформы. Реформы проводились, на первый взгляд, одни и те же, и советники извне были одни и те же, но результаты оказались разными. И это не случайно. Последствия применения одной и той же стратегии транзита по-разному оказались на развитии стран Центральной и Восточной Европы, а также бывшего СССР, отказавшихся от организации общества и экономики по советскому образцу. В чем же причины различных последствий одних и тех же преобразований? Да и были ли они одними и теми же на деле? Анализу факторов специфического «транзита по-русски» и посвящена данная статья.

¹ Статья написана при финансовой поддержке Научного Фонда ГУ-ВШЭ – проект № 05-01-0044 и РГНФ – проект № 04-03-00103а.

Как и сторонники проведения курса либеральных реформ по англосаксонскому образцу, я признаю конвенциальным условием обсуждения путей развития России признание полного поражения советской социетальной модели в состязании с другими более эффективными моделями социально-экономической и политической организации общества. Однако это признание не означает совпадения позиций по вопросам трансформации России.

В большинстве учебников, да и не только учебников, на смену советскому «марксистскому» единобразию мысли в 1990-е годы пришло радикал-либеральное единобразие. Оно, как и любое единомыслие при отсутствии альтернативных подходов, столь же непродуктивно и столь же неадекватно для понимания, объяснения и нахождения путей решения национальных, значимых для общества проблем. Конечно, нужен был этап ученичества у западных менторов, но не бесконечно же длиться этому времени. Не вычитать из большинства чужестранных книг, как действовать здесь, на этой земле.

Вопрос этот не нов. Еще около 40 лет тому назад об этом писал блестательный знаток России, ее культуры, ее истории Джеймс Биллингтон: «Не раз русские пытались завладеть плодами других культур в одночасье, без переходного процесса медленного роста и глубинного понимания. Россия приняла византийское наследие, так сказать, оптом, не вникая в подробности и не усвоив традиций спокойных, сдержанных философских рассуждений. Дворянство переняло язык и стиль французской культуры, но не ее критический дух... Радикальная интеллигенция благоговела перед западной наукой XIX в., однако ж не воссоздавала ту атмосферу свободной критики, которая и сделала возможным научный прогресс» [Биллингтон 2001, с. 687]

Я думаю, что вся история весьма спорного по своей результативности реформирования экономики и социальной сферы в постсоветской России является прямым продолжением этой несчастливой линии «завладения плодами других культур в одночасье», к тому же сам выбор образцов для подражания вызывает серьезные сомнения.

Подтверждением неэффективности реформ по-российски являются основные экономические показатели, которые обычно приводятся в сопоставлении с предкризисным 1997 г.; и при таком сопоставлении результаты динамики последних лет выглядят впечатляюще. Однако попробуем сопоставить итоги 2004 г. не только с 1997 г., но и с последним предреформенным — 1990 г. В этом случае картина выглядит следующим образом. Объем ВВП в 2004 г. составил по отношению к 1997 г. 138,2%, а в сравнении с 1990 г. — 83,3%. Данные по промышленному производству выглядят так: 145,5% и 70,4%; по производству сельскохозяйственной продукции — 109,7% и 71,1%. По инвестициям картина смотрится особенно удручающе. Хотя в 2004 г. инвестиции выросли по отношению к 1997 г. в полтора раза (153,1%), в итоге страна получила инвестиций всего лишь в объеме 36,6% по отношению к 1990 г. Реальные доходы населения, заметно выросшие по отношению к 1997 г. (121,9%), так и не достигли уровня 1990 г. (87,8%) [Делягин 2005, с. 49]. К концу 2005 г. — уровень 1990 г. по доходам населения был наконец достигнут при резко подскочившей дифференциации.

Известный наш отечественный экономист, один из ведущих разработчиков программ реформ конца 1980 — начала 1990-х годов Л. Григорьев следующим

образом подвел итоги мучительного двадцатилетия, пережитого Россией: «... через 15 лет становления и 6 лет подъема переходная экономика не может предъявить больших успехов. Мы продолжаем сползать к экономике энергоносителей и полуфабрикатов. Стоит вычесть экспорт нефти и газа, оказывается: не только Германия и Япония, но и Польша, Украина, прибалтийские страны имеют значительное положительное сальдо торгового баланса против России. Человеческий капитал мы продолжаем производить, но экспортируем его даром, не обеспечив условий функционирования интеллектуального бизнеса. ...За 15 лет переходного периода построены в основном пригородные коттеджи, несколько портов и нефтегазовых труб... и кое-что из советских долгостроев (Бурейская ГЭС)» [Григорьев 2006].

Для сравнения приведем всего лишь один показатель. К 2000 г. почти все посткоммунистические страны Восточной и Центральной Европы достигли или превзошли ВВП предреформенного 1989 г., а, к примеру, Польша уже в 2003 г. пре-взошла докризисный уровень на 64,2% [Кудров 2001; Синицина, Чудакова 2004].

При этом надо отметить, что 1990 г. был первым годом спада, т. е. мы проводим сравнение не с наилучшими предреформенными показателями. Второе обстоятельство заключается в том, что все эти показатели, особенно реальные доходы населения, справедливо оценивались в канун реформ их адептами как совершенно недостаточные, которые должны быть в ближайшее же время существенно повышенны. И в этом виделся смысл реформ. Что же касается приватизации государственной собственности, открытия отечественной экономики по отношению к внешнему миру, введения рыночных свобод во внутренних и внешних отношениях, то все эти меры по либерализации экономики предполагались лишь как средство, а не цель развития России. Либерализованная экономика постсоветской России на данном этапе своего развития приобрела неадекватную, архаическую социальную и политическую «оболочку».

Столь неблагоприятный результат трансформационных процессов явился следствием сложного переплетения исторических факторов, внутренней социально-политической ситуации и неблагоприятных внешних воздействий. Остановимся на некоторых из них.

Первый фактор

В канун августовских событий 1991 г., приведших к обрушению советской системы, все социологические опросы показывали уверенное преобладание в общественных настроениях набора идей, которые в мире известны как либеральные: полноправие частной собственности и ее доминирующее положение; свободный рынок, включая рынок труда, сдерживаемый нормами социальной защиты; минимальное вмешательство государства в экономические процессы, гражданские свободы; четкое разделение исполнительной и законодательной властей; независимый суд. Очевидно, что этих общих демократических и либеральных идей было недостаточно, чтобы сформировать реальную программу деятельности нового руководства страны. Демократы, оказавшиеся во главе борьбы за становление демократической России, были против власти коммунистической партии, против всевидящего ока КГБ, против милитаризма, против

привилегий номенклатуры, против унитаризма Союза ССР. Но они не были готовы к проведению структурных реформ. Они по-настоящему и не знали своей страны. Ибо «знать» предполагает иметь «поле» для сравнений. Зарубежье же было *terra incognita* для отечественных интеллектуалов. «Там» были друзья, ждавшие как бы помочь собратьям-русским, там текли молочные реки в кисельных берегах. Немало потребовалось лет, чтобы хоть в какой-то мере продвинуться к холодной оценке реалий и отечественных, и зарубежных.

Совсем другой была ситуация в «социалистических» странах к западу от России. Чрезвычайно важным отличием была разница в целое поколение в продолжительности существования «реального социализма» в этих странах и в СССР. У «них» люди старшего поколения превосходно сохранили навыки деятельности в рыночной экономике, навыки гражданской самоорганизации. Гораздо большая свобода выезда за рубеж дала возможность приобрести в какой-то мере эти же навыки молодым и согражданам средних лет. Кроме того, диаспора этих народов весьма активно с первых же шагов преобразований приняла в них живейшее участие и капиталами, и прямым включением в повседневность реформирования, реэмигрируя на этническую родину. Не следует упускать из виду, что во многих странах ЦВЕ устойчиво сохранялась частная собственность на землю, на малые предприятия в городах, а первые шаги по либерализации экономики были предприняты еще в условиях «социалистического» режима.

Поэтому если в социально-экономическом смысле эти реформы полностью назрели и даже запоздали во всей группе стран «социалистической» Европы, то общественно-политических сил, созревших для проведения кардинальных реформ именно в России, в отличие от таких стран, как Польша и Венгрия, и даже от Эстонии и Литвы, не было. Не было еще тех слоев населения, тех типов чиновников, тех групп избирателей, менеджеров, политиков, судей, журналистов, которые должны были бы двигать новшества. Не было готового класса предпринимателей, которые бы отстаивали свои интересы на всех уровнях. Место предпринимателей в политической и общественной жизни пришлось занимать заведующим лабораториями, преподавателям вузов и прочей интеллигенции, которые как бы «притворялись» предпринимателями, играя их роль. А чиновниками правового государства становились бывшие партийные работники советского элитистского государства. А где было взять других, если в России и спустя 15 лет не партии как выразители интересов общества строят систему власти, а власть создает под себя некое жалкое подобие элементов гражданского общества? И вместо опоры на нормальные движущие силы реформ волевым решением назначались квазидвижущие силы, те, кто по своему опыту и социальному положению не соответствовали возложенной роли реформаторов.

Это неизбежное следствие важной особенности России (и ее восточных и южных соседей по СССР – СНГ). Либеральные реформы в странах ЦВЕ и Балтии проводились в интересах консолидированного и не только готового к ним, но и в значительной мере подготовленного общества, руководимого сформировавшейся в многолетней борьбе с советским режимом национальной контрэлитой. Эти же реформы в России проводились в интересах еще не существующих групп населения, и проводили их те, кто не мог, да и не хотел достижения первоначальных целей демократического движения. ЭТО – ПЕРВОЕ КОРЕННОЕ ОТЛИЧИЕ ПО ЛИНИИ «МЫ (Россия) – «ОНИ (страны ЦВЕ и Балтии)».

Второй фактор

Уже в начале 1990-х годов многим вдумчивым наблюдателям было очевидно, что «роды» демократической власти случились преждевременно, при неготовности демократов организовать управление, сформировать институты исполнительной власти. Однако, как и при подлинных родах, повернуть ситуацию вспять было невозможно. Отсюда тот парадокс, неожиданный для многих, когда правительство реформ, возглавляемое президентом Б.Н. Ельциным, состоявшее преимущественно из новичков демократического движения (как его тогда называли — правительство завлабов), пошло на блок с перешедшей на сторону победителей частью советской номенклатуры. Это было неизбежно. Ни лидеры, выдвинувшиеся на митингах и в первых парламентских схватках, ни молодые научные работники, выучившие принципы капиталистической экономики по западным учебникам, к практической работе не были готовы. Не случайно, что контрольные позиции в процессе принятия решений и их осуществления достаточно быстро заняли именно представители динамичной части советской номенклатуры, возглавленной Ельциным и Черномырдиным + Ко (Петров, Шумейко, Скоков, Лобов и т. д.). Вчерашние секретари обкомов КПСС, офицеры КГБ оказались в ближнем окружении президента. Через несколько месяцев они заняли позиции вице-премьеров и министров, руководителей администрации президента.

Символичным стал приход в качестве утвержденного парламентом и полностью поддержанного президентом премьер-министра страны В.С. Черномырдина. Это был крупный советский чиновник, в прошлом член ЦК КПСС, министр нефтяной и газовой промышленности СССР, однозначно показавший себя сторонником приватизации государственной собственности в пользу номенклатуры. Сложившаяся расстановка сил привела к необходимости привлечь в качестве советников профессиональных экономистов с Запада. Это были люди, которые нашупали общий интерес между мировой финансовой элитой, контролирующей глобальный рынок, стремящейся в него вписаться вчерашней российской номенклатурой и той частью молодых либералов, которые осознанно перешли на позиции структурного реформирования, контролируемого номенклатурой.

Почему такой, в отличие от стран ЦВЕ и Балтии, была расстановка социально-политических сил в России? В советской России только административно-командная номенклатура имела осознанные интересы и обладала всеми чертами социального слоя, включая самоидентификацию. В ходе реформ административно-командная номенклатура, единственная социальная группа советского общества, обладавшая осознанными интересами и самоидентификацией, сохранила контрольные позиции во власти, закрепила в процессе приватизации за собой преобладающую часть государственной собственности и трансформировалась в крупную квазибуржуазию. Были сорваны все попытки проведения неноменклатурной, не контролируемой политически властвующими группами приватизации. К выгоде политика образующего бизнеса были законсервированы отношения неполной приватизации, непрозрачности отношений собственности. Средний и малый бизнес был вытеснен на периферию экономики, где и поныне стагнирует с начала 1990-х годов.

Номенклатура не могла не действовать в своих социально-групповых интересах. А они сводились к проведению только тех реформ, при которых она оставалась хозяином страны и даже укреплялась в этой роли. Слабость несложившихся демократических сил позволила номенклатуре сорвать в России буржуазно-демократическую революцию, которая успешно совершилась в странах на западе от нас. Как откровенно и точно высказался Ельцин в августе 1992 г.: «В сентябре-октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции» [Российская газета 1992]. Другими словами, для того, чтобы добиться такого «успеха», правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития.

Социальным союзником номенклатуры выступил на раннем этапе реформирования страны теневой капитал. Нельзя забывать о гигантских масштабах теневой экономики в бывшем СССР, в которой к концу 1980-х годов было задействовано (по разным расчетам) 20–30 млн человек как полностью (вероятно, до 3 млн), так и по большей части — от случая к случаю. Слои предпринимателей, действовавшие в этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. Все быстро выраставшие, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т. д.) создавались почти исключительно для торгово-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйствчики прежней теневой экономики.

Идейной основой экономических реформ послужил неолиберализм, сторонники которого, американские специалисты, были привлечены для работы в правительствах Гайдара и Черномырдина. В частности, они сыграли ключевую роль в деятельности правительства по приватизации. Приказом председателя Госкомимущества РФ А.Г. Чубайса от 31 июля 1992 г. был создан состоящий из американских экономистов «Отдел технической помощи и экспертизы» во главе с Джонатаном Хэем. Этот отдел занимался накоплением и обработкой данных о хозяйственном комплексе России и консультировал российских реформаторов.

В ОТЛИЧИЕ ОТ «НИХ» У «НАС» ВЛАСТЬ И КОНТРОЛЬ ЗА СТРУКТУРНЫМ РЕФОРМИРОВАНИЕМ ПОЧТИ С САМОГО НАЧАЛА ОКАЗАЛИСЬ ПОЛНОСТЬЮ В РУКАХ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ. ЭТО ВТОРОЕ КОРЕННОЕ ОТЛИЧИЕ РЕФОРМ ПО-РОССИЙСКИ.

Третий фактор

Сложнейший переход к рыночной экономике и гражданским отношениям в обществе в условиях современной информационной революции предъявил особые требования к индивидуальности и творческой дееспособности действующих лиц. Анализ показывает, что одним из существенных эмпирических индикаторов подготовленности населения к участию в экономических и технологических инновациях и гражданских инициативах является мера его урбанизированности. Естественно, что речь идет о качественных особенностях городского образа

жизни. Современные средства массовой информации и коммуникации создают возможность ускоренного распространения передовых форм жизни от «точек роста» к периферии, содействуют складыванию единых систем ценностей и моделей поведения преимущественно на основе городской культуры.

Высокие темпы роста городского населения, драматические коллизии, связанные с насильственным «огороживанием» вчерашнего крестьянства, доминирование урбанизационных процессов патологического характера — все это привело к тому, что типичный русский город и поныне в значительной части заселен маргиналами, людьми, «ушедшими» от традиционной культуры, но не освоившими современной городской культуры.

Если рассмотреть ситуацию за несколько поколений, то вырисовывается следующая картина. Прежняя, высокообразованная дореволюционная интеллигенция и ее прямые потомки в основном исчезли. В условиях резкого роста городского населения (1928—1975 гг.) наблюдались довольно странные процессы, не сводившиеся ни к руралитации («окрестьяниванию») горожан, ни к урбанизации выходцев из деревни. Шло формирование некой гибридной субкультуры, чуждой и той, и другой традиции. Сложился тип обезличенного горожанина «вообще», без очевидных локальных черт, горожанина, для которого «свое» кончалось порогом его комнаты или квартиры. Города, улицы, клубы, дворы и дома стали «ничими», о них «пусть начальство думает».

Города, построенные при советской власти часто как простые «спальные вагоны» при гигантских предприятиях, не располагали той инфраструктурой, которая необходима для воспроизведения культурного горожанина. Внерабочее время людей уходило на «походы» по магазинам и рынкам, работу на огороде, приготовление пищи, уборку квартир, уход за детьми с попутным просмотром телепередач. Воспитанию детей, т. е. прогулкам с ними, беседам, обучению музыке, иностранным языкам уделяли время лишь около 3% молодых родителей [Шкарлатан 1990а, с. 5—22; 1990б, с. 23—41]

В особенно тяжелом положении оказалась городская интеллигенция, в значительной мере лишенная возможности расширенно воспроизводить свою культуру, передавать ее детям. Проблема полуобразованности, полуинтеллигентности — одно из трагических последствий советской системы. Тем не менее процесс преобразования этой культуры в культуру городскую все же шел. Человек «на рубеже культур» все чаще уступал место урбанизированной личности. Это особенно отчетливо проявилось в поведении основной массы населения городов во время политических событий 1990—1992 гг. Общность культуры, интересов и ценностей основных средних слоев была уже присуща большей части жителей крупных городов.

Этому способствовала система образования. Еще перепись 1939 г. показала, что неграмотность в стране практически ликвидирована. К 1976 г. завершился переход к всеобщности и обязательности среднего образования. В 1990 г. на 1000 человек населения России старше 15 лет 806 человек имели высшее или среднее (полное и неполное) образование, в вузах учились 3,0 млн студентов, в народном хозяйстве были заняты 8,7 млн специалистов с высшим образованием [Народное хозяйство СССР... 1991, с. 210].

Существенным обстоятельством, повлиявшим на качественные параметры образованных групп населения, явился разрыв в культурной преемственности

поколений. Дореволюционная интеллигенция была, конечно, малочисленной, но она отличалась и высокой профессиональной культурой, и гражданской ответственностью. Это интеллектуальное ядро нации, по большей части, либо погибло, либо эмигрировало. Следствием этого стало явление, которое А.И. Солженицын назвал «образованщиной», т. е. псевдообразованностью. По мере забвения традиций, с одной стороны, и ослабления связей с зарубежными коллегами, с другой, существенно усилились в своем влиянии на образовательную систему такие отрицательные факторы, как идеологизация школы, феминизация состава учителей, унификация образования без учета индивидуальности и одаренности учеников. В то же время следует учесть, что российская средняя школа традиционно давала обширные знания по математическим и естественно-научным дисциплинам, превосходящие по объему информацию, получаемую выпускниками средних школ большинства стран мира. Высшая школа была расколота на небольшую группу элитарных университетов (МФТИ, МИФИ, МГТУ, МАИ, Санкт-Петербургский политехнический институт, Санкт-Петербургский электротехнический институт и некоторые другие инженерно-физические вузы; часть факультетов Московского и Санкт-Петербургского госуниверситетов). Основная масса высших учебных заведений, особенно в области вечернего и заочного образования, высоким критериям не соответствовала. В итоге трудно оценить, какова доля лиц с высшим образованием, получивших подготовку на высоком мировом уровне. По-видимому, где-то около 10–15% от всех выпускников университетов.

Таким образом, можно считать, что доля потенциальных акторов преобразований в стране была не очень велика. Это и показали последующие события, начиная с демократических митингов конца 1980-х годов. Их масштабы не шли ни в какое сравнение с подобными же выступлениями в странах Балтии и ЦВЕ.

Последующие события начала 1990-х годов обескровили и этот скромный ресурс. Дело в том, что основная часть наиболее продвинутых групп населения России, коренных горожан была сосредоточена в оборонной промышленности и сопряженных с ней организациях.

Одной из главнейших черт тоталитарской системы (или государства-общества), какой был СССР, является милитаризм. Подобно древним азиатским деспотиям такая система, преувеличивая или даже имитируя непрерывную угрозу своему существованию, всегда органически агрессивна. Из этого вытекала необходимость безграничного развития военно-промышленного комплекса, «накачивание» ВПК всеми видами ресурсов, его возвышение над всеми другими сферами экономики, то, что он фактически «подминает» их под себя, потребляя огромное количество ресурсов, современного оборудования, квалифицированных кадров. Необходимость постоянного поддержания высокого технического уровня (потребительских качеств) продукции, производимой этим огромным сектором экономики, привела к тому, что на его производствах была сосредоточена преобладающая часть интеллектуального потенциала страны.

Общая численность персонала оборонных НИИ и КБ превысила, по оценкам специалистов, 1,8 млн человек, что фактически превратило эту сферу в крупнейшую область приложения интеллектуального труда, сосредоточившую в себе лучшие творческие кадры нации. С распадом СССР Россия унаследовала 82% его военно-промышленного потенциала и около 80% всех

предприятий ВПК. В силу этого обстоятельства в начале реформ предполагалось, что именно кадровый потенциал военно-промышленного комплекса может стать «двигателем», обеспечивающим распространение прогрессивных технологий в производстве в целом. Кроме всего прочего, именно работники военных предприятий и институтов были основой демократических движений и гражданских инициатив в 1986—1992 гг. Именно они были активными сторонниками рыночной экономики, правового государства, демилитаризации страны, вестернизации образа жизни.

Никто из ориентированных на реформы акторов не сомневался в надобности конверсии оборонных предприятий, их сокращении, реформировании. Но на деле не произошло ни обновления и реорганизации производства, ни стимулирования инвестиций, ни улучшения качества продукции, ни снижения издержек. В действительности наблюдалась иная ситуация: происходило простейшее резкое сжатие производств на предприятиях ВПК, кратно превышавшее сокращение объемов продукции и численности персонала в гражданских отраслях. Практически полностью прекратился приток новых высококвалифицированных кадров, ускоренно шел процесс сжатия инновационного ядра. Только в 1992 г. оборонные предприятия, исследовательские и конструкторские организации потеряли порядка 600 000 работников. В 1993 г. потери достигли 12%, в 1994—1995 гг. примерно по 15%, в 1996 г. — 12% [Данные заимствованы из: *Shkaratan, Fontanel* 1998, р. 367—379]. Сходные процессы имели место и на протяжении второй половины 1990-х годов. Сокращение инновационного потенциала предприятий и организаций ВПК России стало трудно преодолимым препятствием для формирования высокотехнологичной и наукоемкой диверсифицированной национальной экономики и перехода нашей страны в фазу «информационного общества», когда эта задача в 2005—2006 гг., наконец, стала на повестку дня. Если структурные преобразования в экономиках стран ЦВЕ, Балтии, большинства союзных республик опирались на доминировавшие гражданские производства, то совсем иная ситуация имела место в России. Ее предреформенная экономика была милитаристским ядром всего так называемого социалистического лагеря. Не случайно поэтому столь чаемый процесс демилитаризации отечественной экономики реально вылился в процесс распада ее станового хребта и привел к дезурбанизации образа жизни.

При падающей численности населения доля горожан сохраняется вот уже без малого 20 лет неизменной (в диапазоне 73—74% к общей численности россиян). При этом огромное количество потомственных и наиболее образованных горожан эмигрировало за рубеж. Их численность и состав никому не известны, так как с 1986 г. был прекращен соответствующий учет отезжающих из страны на постоянное место жительство. Как отмечали Л.М. Гохберг и Е.Ф. Некипелова, в статистическом учете с 1986 г. из анкеты о выезде за границу были удалены вопросы об образовании и специальности. В соответствии с «Законом о въезде и выезде», вступившим в силу с января 1993 г., были отменены выездные визы, а срок действия заграничных паспортов был увеличен до пяти лет [*Гохберг, Некипелова* 1993, с. 49—50]. Кроме того, значительная часть и поныне сохранивших паспорта российских граждан давно уже порвала связи с родиной. Трудно предположить, каковы пропорции между миграцией и внутристрановой межотраслевой мобильностью кадров из науки и сопряженных сфер профессиональной деятельности.

В начале 1990-х годов каждый шестой советский эмигрант был ученым, инженером или врачом. По оценке академика А. Андреева, к началу 1993 г. из бывшего СССР на время или навсегда уехало около 40% физиков-теоретиков высокого уровня и примерно 12% физиков-экспериментаторов. При этом около 40% эмигрантов из России были жителями Москвы и Санкт-Петербурга. Большая часть людей, имевших шанс найти достойную работу на Западе, прямо или косвенно были связаны с военно-промышленным комплексом [Вишневский, Зайончковская 1992а; Вишневский, Зайончковская 1992б; Долгих 1993; Ахиезер 1999]. Здесь мною не рассматриваются проблемы миграции последующих лет. Отмечу лишь, что, по данным на 2005 г., порядка 40 тыс. выходцев из России занимаются наукой в США и Западной Европе. Еще около 30 тыс. постоянно ездят в зарубежные исследовательские центры для проведения научных работ. Только в США вчерашние россияне обеспечивают 20–25% американского рынка высоких технологий, что составляет никак не менее 10% мирового рынка [Харичев 2005, с. 32].

Беседы с директорами крупных оборонных предприятий Москвы и Московской области (интервью 1996 и 1997 гг.; проведены Т.Ю. Сидориной) подтвердили, что увольнялись в первую очередь высококвалифицированные, наиболее перспективные молодые работники, т. е. наиболее экономически активная часть персонала предприятия, обладающая инновационным потенциалом.

Те, кто остался в России, многие годы влажили жалкое существование полубезработных. Их символическая заработка плата была смехотворно мала. При этом они сознавали себя социальными аутсайдерами, никому не нужными людьми. Автором статьи совместно с профессором М. Сваффордом (США), профессорами А.А. Берлином, Н.Е. Тихоновой, С.Н. Смирновым в 2000–2002 гг. на средства гранта USAID было проведено проектирование системы психотерапевтических консультаций для социальной и экономической реабилитации безработных с высшим образованием, прежде всего из прежних работников ВПК. Оно включало, в частности, обучение людей стратегиям успешных поисков работы, корректировку уровня притязаний (автор методик — доктор биол. наук А. Берлин). Работа велась в городах с доминированием в недавнем прошлом предприятий ВПК — Воронеже и Нижнем Новгороде. Состояние наших клиентов никак не демонстрировало, что они могут вернуться к социальной позиции акторов инновативного типа.

На месте военно-промышленного комплекса в экономике России ныне утвердился топливно-сырьевая комплекс. Но в этих сырьевых отраслях преобладает принципиально другая человеческая масса, чем в ВПК накануне его краха: это, как правило, те, кого польские социологи назвали когда-то «крестьяне-рабочие». Таким образом, демилитаризация означала для России превращение в сырьевую периферию мир-системы с доминированием соответствующего человеческого материала.

Итак, в силу специфики структуры экономики предреформенной России, сосредоточения именно в ней основной части оборонного комплекса «социалистического лагеря», ставшего смыслом жизни основных трудовых сил нации, деградация ВПК привела к потере критически значимой массы демократически ориентированной, пассионарной части нашего народа. ПОТЕРЯ ПАССИОНАРИЕВ — ЭТО ТРЕТЬЕ КОРЕННОЕ ОТЛИЧИЕ ПО ЛИНИИ «МЫ» — «ОНИ».

Четвертый (он же сущностный) фактор

Важным аспектом рассматриваемой проблемной ситуации является оценка направленности трансформационных процессов в посткоммунистических странах. Этот аспект касается обнаружившихся тревожных тенденций в развитии части из стран рассматриваемого ареала, суть которых состоит в репродукции (реставрации) социально-экономических и политических порядков «социалистического» прошлого. Важность этого положения может быть прокомментирована на примере специфических трудностей, переживаемых современной Россией в ходе процессов трансформации. При анализе этих трудностей мы исходим из выдвигаемого и обосновываемого нами положения, что именно советская Россия выступала ядром этакратического ареала.

Система псевдосоциалистических стран имела свое ядро, полуперифирию и периферию. Ядро — это доминирование «чистых форм» этакратизма — стейтизма. Перифтерия — резкое ослабление черт этакратизма, навязанного вооруженными силами этакратического СССР, с сохранявшимися все время в той или иной степени присущими Западу экономическими институтами, ценностями и социальными нормами. К ядру мы относим большую часть республик СССР (без Балтии и Украины); к полупериферии — Болгарию, Румынию, Сербию, Украину и т. д.; к периферии — Польшу, Венгрию, Чехию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и т. д.

Сам географический охват «социализмом» совпадает:

А) с регионом вторичного закрепощения крестьянства на западе этого ареала (Пруссия, Польша, Венгрия и т. д.);

Б) с регионом господства государственного способа производства, отсутствия как значимых частнособственнических отношений и доминирования отношений «власть — собственность». В обществах этой восточной части посткоммунистического ареала не было устоявшихся классов в западном понимании, гражданских отношений и т. д. Другими словами, к этим обществам (Россия, Закавказье, Средняя Азия) неприменимы теории и категории, объясняющие структуру и генезис западных обществ. В ЭТОМ И КОРЕНИТСЯ ЧЕТВЕРТОЕ ЛАТЕНТНОЕ, СУЩНОСТНОЕ ОТЛИЧИЕ: «МЫ» — ЯДРО; «ОНИ» — периферия geopolитической системы псевдосоциализма.

Природа отличий «ядра» и «периферии»

Проблемная социально-экономическая ситуация, в которой оказалась группа реформирующихся стран, прежде всего Россия, стимулировала дискуссию об интерпретации трансформационных процессов в странах европейского и евразийского ареала. Сейчас уже можно считать очевидным существование двух альтернативных подходов. Согласно одному из них, эти трансформационные процессы протекают в основном однолинейно, в соответствии с логикой внутренне детерминированного перехода от нерыночной экономики к рыночной. Этот первый подход весьма популярен в академических кругах. Ведь и за марксистским, и за либеральным отрицанием мультилинейности исторического процесса скрывается общезвестная гегелевская схема «ступенчатого» развития истории к единому для всего человечества идеалу.

Либеральный унитаризм в той его версии, которая проповедуется американской властно-олигархической элитой, предполагает мир как систему цивилизационной иерархии, где США выступают в роли управляющего субъекта, а основная часть народов как объект управления и вечная периферия мирсистемы. При этом страны мира делятся на «эшелоны» как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремясь догнать находящихся впереди. Правда, «догнать» у подавляющего большинства так и не получается.

Однако идея «однолинейности», по крайней мере со времен Н.Я. Данилевского, противостоит идея «рядоположенности» цивилизаций, обладающих как универсальными, так и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности (не всегда выраженного в развитии). Признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. Институциональные же и ценностные системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают. Эти идеи обсуждаются автором в ряде статей [Шкаратан 2002, 2004].

Хотелось бы сразу отметить, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между этими двумя подходами. Мы можем рассуждать лишь в пределах определенного исторического горизонта, измеряемого жизнью нескольких ближайших поколений. Нет смысла ломать копья по поводу будущего за пределами нашего столетия. И мы не можем при таком подходе игнорировать опыт предыдущих столетий, закрепленный во вполне проверяемых источниках.

Напомню, что первоначально объяснительную концепцию базовых институциональных структур, отличающих восточные цивилизации от западных (отношения «власть—собственность»), развил видный российский востоковед Л.С. Васильев в своих работах 1960—1990-х годов [Васильев 1994].

Всем современным наблюдателям совершенно очевидно, что китайцы, как и японцы, совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции своей древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизация США и Европы. Это — не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, так же как и японская. Мы имеем дело с конкуренцией двух доминирующих в мире ценностных систем в их национальных и локальных вариантах, и неизвестно, какая из них предпочтительней.

Очевидно, что мультилинейный подход к трансформационным процессам в посткоммунистическом мире во многом объясняет расхождение в характере развития, результативности проведенных либеральных реформ в странах, казалось бы, стартовавших с одних и тех же позиций. С точки зрения такого подхода, в современном мире существуют несколько основных цивилизаций, качественно различающихся по институциональным и ценностно-нормативным характеристикам. Эти цивилизации сопряжены с доминирующими религиозными системами. Применительно к Центрально-Европейскому, Южно-Европейскому, Евразийскому ареалам (посткоммунистические страны, находящиеся в состоянии трансформации) — это католицизм, протестантство, православие, мусульманство.

Итак, необходимо определиться с оценкой типа сложившейся (или складывающейся?) особой исторической социально-экономической системы, функци-

онирующей в современной России. Моя позиция по этому поводу в итоговом виде была изложена в книге «Российский порядок: вектор перемен» [Шкаратаан 2004а; Шкаратаан 2004б].

Суть предлагаемой концепции состоит в следующем. На разных исторических этапах и тем более в наше время существовали и существуют одновременно разнообразные социально-экономические формы, развивавшиеся в контексте различных культур. Советский тип общества, так же как и современное российское, это некая данность с особыми институциональной структурой и системой ценностей, относящимися к другому типу цивилизации (евразийской), которая существенно отличается от европейской (атлантической) модели по институциональной структуре и системе ценностей.

Исторические корни современного российского порядка уходят в много вековую историю страны — носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества.

Отечественные авторы отмечают решающую роль следующих факторов специфики отечественной истории: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, — многовековой процесс созиания земель, т. е. экстенсивный рост на протяжении примерно шестисот лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие — огромного напряжения народных сил.

Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный...» [Пивоваров, Фурсов (1) 1999, с. 188—189]. По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип: «Власть — все, население — ничто»; Власть — единственный значимый социальный субъект [Пивоваров, Фурсов (1) 1999, с. 189—190]. Получается, что ордынское нашествие словно бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной. «Ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси — оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта... Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь — вече — боярство — церковь. ...ни в одном случае князь не был единственной властью — Властью с большой буквы, и в целом ситуация была похожа на европейскую. ...Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому ордунгуну — Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, — ту «массу насилия», которая обесценивала властный потенциал боярства и веча... Христианский мир носит

полисубъектный характер по определению. Субъектность предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды, корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще церковь — по поручению Власти» [Пивоваров, Фурсов (2) 1999, с. 182—183].

Совершенно очевидно качественное отличие этой системы отношений, с всесилием верховной власти, неурегулированностью отношений собственности законодательством, размытостью обязанностей и т. д., от западноевропейской феодальной — с ограниченными законом правами верховной власти, символизирующей волю государства.

Невозможно отрицать тот основополагающий факт, что Ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу Киевско-Новгородской Руси привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников. Именно на этой исторической почве и сформировалася сословный строй, сословный порядок как отличительная институциональная и стратификационная система Московской Руси — царской России. Здесь стоит напомнить об обычно игнорируемом факте многовекового сосуществования Московской и Литовской Руси. История Руси—России во многом сопряжена с этим сосуществованием выросших из одного корня, но потом значимо разошедшихся социальных организмов. И воистину не стоит недооценивать, что «Украина не Россия».

Напомним столь определяющую для судеб народа составляющую его исторического развития, как история отношений собственности. Как и всюду на Востоке, со времен Золотой Орды, в Московской Руси, а позднее в Российском государстве отдельный человек не мог быть собственником, а мог быть лишь владельцем. Верховным собственником, прежде всего земли, и высшей абсолютной властью над подданными являлось государство, которое стало со времен Ивана Грозного типичной деспотией, а все подданные оказались в состоянии поголовного рабства.

Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного дворянского меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Но этот документ не внес полной определенности в статус земли и работавших на ней крестьян (до того находившихся в собственности государя). Тем не менее можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1765 г. Екатерина II своим указом объявила владельцев поместий вне зависимости от наличия документальных подтверждений *de jure* собственниками земель. Наконец, в 1785 г. императрица подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой «благородное российское дворянство» получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, т. е. земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Само понятие «собственность», введенное Жалованной грамотой, вошло в обиход, к примеру, в Германии еще в первой половине XIII в. Грамота декларировала «вольность

и свободу дворян», добровольный характер их службы государству. В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия — купцов и мещан. И те, и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью [Пайпс 2000, с. 248—249, 251; Миронов 2000].

Что же касается основной массы населения — крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. [Собственность на землю... 2002]. Б.Н. Миронов пишет: «Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян. Начиная с 1861 г., сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы — “черный передел, т. е. экспроприация всех частновладельческих земель — и помещичьих, и выделившихся из обчины крестьян — в пользу крестьянской обчины”» [Миронов 2000. Т. I, с. 344]. К этому автор добавляет (и подчеркивает свое суждение): «...крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была привнесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом» [Там же].

В целом можно сделать вывод, что в канун Октябрьского переворота 1917 г. для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. Реформы П.А. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины в независимого фермера. Другими словами, Россия не прошла тот путь от традиционного общества к феодальному и от него к капиталистическому, который проделали страны европейского цивилизационного ареала. Привнесенный же с Запада социализм был трансформирован в парадигматику традиционных крестьянских представлений о правильной жизни. Поэтому большевизм получил (в отличие от европейских стран) серьезную социальную базу в России.

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. Арнольда Тойнби, Россия «есть часть общемирового незападного большинства». Русские никогда не принадлежали к западному христианству. «Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антиподичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» [Тойнби 1995, с. 156]. Тойнби считал, что «почти тысячу лет» русские «принадлежали не к нашей Западной цивилизации, но к византийской — сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации» [Там же, с. 106].

Подводя определенный итог суждениям о российской цивилизации С. Хантингтон писал: «Некоторые ученые выделяют отдельную православную цивилизацию с центром в России, отличную от западного христианского мира по причине своих византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе» [Хантингтон 2003, с. 56].

В России доминирующую позицию занимала и занимает в кругах социальных исследователей концепция принадлежности страны к семье европейских

народов. Обычно авторы подчеркивают, что Россия страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов, при этом получила распространение идея принадлежности России к так называемой второй или другой Европе. Концепция «второй» Европы связана с выделением эшелонов капиталистического развития. Под «первой» Европой подразумевается регион классического капитализма, включающий Западную Европу и Северную Америку, где переход от Средневековья к современности совершился под влиянием внутренних органических процессов. К странам «второй» Европы относят Португалию, юг Италии, Грецию, Россию, т. е. страны, позже и менее органично вступившие на путь модернизации. При этом делается вывод, что нет, и не может быть сомнений в европейской идентичности этих стран «другой» Европы. С наибольшей глубиной и основательностью эта концепция была развита в превосходных публикациях В.Г. Федотовой, в частности, в ее монографии «Модернизация “другой” Европы» [Федотова 1997; см. также Кара-Мурза 2002].

А каково восприятие современными россиянами своего места в мире, рассматривают ли они себя частью европейского мира? Следует заметить, что сами наши соотечественники после массированной атаки mass media в конце 1980 — начале 1990-х годов о принадлежности России к европейской, западной цивилизации, при колебаниях в оценках западного образа жизни, устойчиво предпочитали ориентацию на традиции и особенности России, на глубоко изученный национальный исторический опыт в противовес следованию «чужим образцам». Такую позицию при опросе, проведенном ВЦИОМ в 2000 г., заняли 63% респондентов. На вопрос «Ощущаете ли Вы себя европейцем?» в опросах 1995—1997 гг. ответили «Часто» — 9—12%; «Иногда» — 13—16%; «Редко» — 17—18%; «Никогда» — 52—57%. На вопрос «В какой мере для России подходит западный вариант общественного устройства?» в опросе 2000 г. признали этот вариант универсальным образом всего лишь 4% респондентов, а сочли его совершенно или не вполне подходящим 67% наших сограждан. Для западнически ориентированного автора статьи, откуда я позаимствовал эти данные, они являются свидетельством реакции опрошенных на собственную несостоятельность, точнее их большинства, в условиях прорыночных реформ. Думается, что здесь мы скорее имеем дело с адекватным и неситуативным восприятием действительности, более реалистичным, чем у идеологов проводившихся реформ [Дубин 2003, с. 137—153].

Этакратизм — российская социetalная система

Что за тип социальности доминировал на протяжении советского времени? Что за отношения были скрытой сущностью так называемого «реального социализма»?

В моих публикациях отправным моментом являлась оценка общественного устройства, сложившегося в СССР к началу 1930-х годов и сохранявшегося до 1990-х годов, — как этакратического (См., в частности: [Ионин, Шкаратан 1989, с. 426—447; Шкаратан 1990; Радаев, Шкаратан 1991; Radaev, Shkaratan 1992; Shkaratan 1992] и другие работы). Это была новая социальная система,

не являвшаяся ни капиталистической, ни социалистической, которая возникла в СССР, а позднее была распространена на другие страны. Ее можно именовать этакратической (дословно — власть государства — от франц. и греч.). Этакратизм — это не цепь деформаций и отклонений от некой образцовой модели капитализма или социализма, а самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества со своими собственными законами функционирования и развития.

Основные признаки этакратического общества таковы:

обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть—собственность»;

преобладание государственной собственности, процесс снятия частной собственности и постоянного углубления огосударствления, не тождественного процессу обобществления, исчезновение практически всякой (кроме теневой) экономической деятельности, не подвластной государственному регламентирующему воздействию;

государственная собственность на рабочую силу, государственный найм как преобладающий источник средств существования для большинства населения, превращенного в государственно зависимых работников;

государственно-монополистический способ производства;

реализация государством собственности через переуступку ее ведомствам, точнее бюрократическому аппарату — реальному распорядителю государственными ресурсами, использующему их в своих корпоративных целях и групповых интересах;

корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений, соответственно иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума;

подчинение хозяйственных ведомств и их руководителей общеноисклтурным (общеэтакратическим) интересам через партию как разработчика стратегии социально-экономического развития и координатора-контролера действий ведомств-монополистов в общегосударственном и региональном масштабах;

доминирование централизованного распределения;

целевая функция экономической деятельности в этакратической социальной системе — воспроизведение и усиление власти правящего слоя, экономическая эффективность не является определяющим критерием оценки экономической деятельности;

наличие теневой экономики как необходимого элемента этакратической системы;

зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);

милитаризация экономики;

сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотнесенных с ними привилегиях; определяющие позиции правящих групп, образующих этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью;

система социальных гарантий для низших слоев населения, обеспечивающая стабильность социума;

социальная мобильность, как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей;

отсутствие гражданского общества, правового государства и, соответственно, наличие системы подданства, партократии.

Из концепции этакратического характера обществ советского типа вытекает признание доминирования в них властно-собственнических отношений. Данная концепция предполагает, что в советском обществе определяющими являлись не дихотомические классовые отношения, а слоевые отношения по поводу места в системе «власть — собственность». Это означает, что отношения по поводу собственности не выражаются в оппозиции «собственник—несобственник», а в континууме, отражающем меру присвоения собственности в зависимости от места во властной иерархии, которая образует стержень всей стратификационной иерархии. В целом социальный статус и привилегии определялись не имущественными различиями, а местом во властной структуре. Именно власть и связанные с нею привилегии открывали человеку и его наследникам более благоприятные пути к знанию и материальной обеспеченности. В то время как образование и квалификация, предприимчивость и личное богатство, социальное происхождение могли служить лишь средствами для достижения позиции во властной иерархии.

Правящие слои образовали этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью, в то время как большинство работников отчуждалось от хозяйственно-политической власти. Этакратия не являлась совокупностью замкнутых слоев. И попасть в нее в принципе могли представители буквально всех социальных групп. Непременные условия — политическая лояльность и личная преданность руководству. В Советском Союзе этакратия могла быть достаточно четко эмпирически отслежена через анализ номенклатурной системы. Номенклатура — принцип организационно-иерархического построения, опорный каркас этакратии [Восленский 1991].

Номенклатура являлась совокупным собственником национальных богатств. Следует принять во внимание закрепленные нормативными актами привилегии номенклатуры, в том числе их право пользования и распоряжения государственным имуществом. Эти правомочия номенклатуры, как совокупного собственника, были тем не менее дифференцированы в структуре должностей и зафиксированы секретными нормативными актами. Кроме того, следует иметь в виду значение норм обычного права в этакратических обществах. В СССР номенклатура владела, распоряжалась, пользовалась и присваивала национальное богатство реально, хотя это было во многих аспектах не оформлено правовыми нормами.

Концепция этакратизма как объясняющая природу обществ советского типа находит поддержку со стороны крупных аналитиков современного мира. Так, М. Кастельс пишет: «В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме. ...При этатизме контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их *аппаратчиками* или, по-китайски, *линг-дао*). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности

политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания» [Кастельс 2000, с. 38].

Характерно, что странам Центральной и Восточной Европы этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной экономики, демократических институтов. Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, — в России и Китае, Вьетнаме и Монголии, что подтверждает неслучайность его возникновения.

Вот почему в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, Россия, как, впрочем, и ее восточные соседи, после значительных колебаний исторического маятника (конец 1980 — начало 1990-х годов) осталась по существу тем, чем она была ранее. В постсоветской России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. В стране сохранился в преобразованном виде этакратизм с присущими ему слитными отношениями «власть—собственность», которые получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными. В этой социально-экономической системе сложился своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение по-прежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда. Этот тип социальной стратификации устойчиво воспроизводится с начала 1990-х годов. Подобным же образом продолжила себя социально-политическая система как стейтистско-номенклатурная. Можно предположить, что в большей или меньшей степени эта проблема существует и в других трансформирующихся странах СНГ.

Россия словно бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества.

Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации на новый этап ее эволюции. Этакратизм приобрел форму государственно-монополистического корпоративистского (номенклатурно-бюрократического) квазикапитализма, а не демократического, социально ориентированного капитализма как, скажем, в Чехии, Польше, Словении, Эстонии.

Сказанное не означает, что наблюдающиеся в современной России тенденции этакратической реставрации (или репродукции этакратизма) лишают страну возможности создавать инновационную (информационную) экономику. Присвоение прогрессивных технико-экономических и культурно-бытовых заимствований с Запада при консервации институциональных и ценностно-нормативных структур неоднократно наблюдалось в истории России со времен реформ Петра I. Другими словами, речь идет о том, что возможно создавать информационную экономику при сохранении архаической социальной и по-

литической «оболочки». Другое дело, что такие тенденции являются формой утверждения альтернативного набора ценностей и принципов существования по отношению к развивающемуся глобальному рынку и демократическому мировому сообществу. Страны, создающие инновативную экономику, но сохраняющие эстакратические социальные институты, неизбежно становятся фактором вызова оптимистическим перспективам информационной эпохи.

Рассмотрим постэстакратический характер социально-экономической системы современной России на сопоставительном анализе процессов приватизации «у нас» и у «них».

Приватизация по-российски

Задолго до реформ 1990-х годов Л.Д. Троцкий в книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет» писал: «Средства производства принадлежат государству. Но государство принадлежит бюрократии». В то же время «...бюрократия СССР усваивает буржуазные нравы, не имея рядом с собой национальной буржуазии. В этом смысле нельзя не признать, что она есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле привилегированный и командующий слой в советском обществе». Более того, в номенклатурных привилегиях Троцкий усматривал зародыш капиталистического перерождения советского общества: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс» [Троцкий 1991, с. 206 – 210]. Это-то и произошло после 1991 г.

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграла скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), «теневикам» и криминализму громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа — ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992–1993 гг., то залоговые аукционы — это в чистом виде осознанные акции по формированию неконкурентного политicoобразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Сюда же следует отнести пирамиду ГКО «для своих» со 100-процентной доходностью в год; характерно, что длительное время иностранцы не были допущены на этот рынок. Добавим также отсутствие контроля за вывозом капитала, передачу электронных и самых влиятельных бумажных СМИ в руки придворных олигархов, и картина социальных приоритетов ельцинского правления становится до прозрачности очевидной. Предполагалось, без всяких обоснований, что эти нувориши каким-то образом одномоментно превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров.

Только на первом этапе массовой приватизации под руководством А. Чубайса было продано 500 крупнейших предприятий стоимостью не менее 200 млрд долл. за 7,2 млрд долл. [Полеванов 1995, с. 50]. И это было лишь начало. В ходе шести самых дорогих залоговых аукционов (1995–1997 гг.) «продажа акций нефтяных компаний... была чистым надувательством — их стоимость на рынке была в 18–26 раз выше уже через полтора года после аукционов». Так, рыночная стоимость «ЮКОСа» на 1 августа 1997 г. составила 6,2 млрд долл., а проданы были пакеты акций, исходя из стоимости компании в 353 млн долл. По «Лукойлу» соответственно — 15,8 млрд долл. и 700 млн долл. П. Хлебников, журналист из «Форбса», собрал эти и тысячи других подобных данных в своей книге «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России». Книга стала бестселлером 2000 г. в США и была издана годом позже в России. Завершается раздел по аукционам выводом: «Залоговые аукционы были лишь очередным этапом в стратегии ельцинского режима — интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов... Таким образом, олигархи и правительство Ельцина стали подельниками в грабеже» [Хлебников 2001, с. 207–210]. Тот самый «Норильский никель», который был куплен компанией «Интеррос» за сумму несколько меньшую 300 млн долл., был застрахован в западных страховых компаниях на сумму 30 млрд долл., т. е. в 100 раз большую [Новая газета 2001].

Россия оказалась чемпионом мира по скорости проведения приватизации, А.Б. Чубайс совместно с другими организаторами этого процесса и стоявший за ними президент Б.Н. Ельцин этим гордились и выдавали за великий успех. Но они обычно скромно умалчивали о символических суммах, полученных за проданные предприятия.

В частности в течение 1992–1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов, за которые Россия получила 9 млрд 250 млн долл., или в среднем по 69,5 тыс. долл. за каждое из них. Среди приватизированных предприятий находились комбинаты-гиганты черной и цветной металлургии, крупнейшие предприятия машиностроения, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, морские и речные пароходства, часть собственности «Газпрома» и РАО «ЕЭС» и многое другое. Всего доходы России от приватизации 22 402 промышленных предприятий составили 347,2 млн долл., или по 15,5 тыс. за единицу; 8110 строительных организаций — 56,8 млн., или 7,0 тыс. долл. за каждую; 3184 предприятия транспорта и связи — 49,4 млн, или 15,5 тыс. долл. за каждое; 43 530 предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения — 453,6 млн, или по 10,4 тыс. долл. за точку. Стоимость одного приватизируемого предприятия промышленности, строительства, транспорта и связи, сферы обслуживания находилась порой на уровне не самой престижной модели, а порой даже подержанного иностранного автомобиля [Устинов 2001].

То, что огромная государственная собственность России за короткий промежуток времени не просто сменила владельца, а была бездарно разбазарена и разграблена, подтверждается результатами приватизации, проходившей в эти же 1990-е годы в других странах мира — бедных и богатых. Россия, приватизированная в течение 1990–1998 гг. больше всех других стран собственности, по доходам от ее реализации заняла среди них всего лишь 20 место. Подавляющее

большинство развитых и развивающихся стран, в которых государственная собственность в экономике исторически никогда не занимала преобладающего положения, получило от ее реализации огромные доходы. Так, Бразилия в 1990—1998 гг. от приватизации получила 66,7 млрд долл., Великобритания — 66 млрд, Италия — 63,5 млрд, Франция — 48,5 млрд, Япония — 46,7 млрд, Австралия — 48 млрд долл. Даже Венгрия, где государственная собственность была намного меньше российской, в эти годы получила от ее приватизации на 2,1 млрд долл., или в 1,6 раза больше, чем Россия. Из 9 млрд 250 млн долл., полученных от приватизации, в бюджеты различных уровней было перечислено 7 млрд 628 млн долл. (82,5%), в том числе в федеральный — 5 млрд 545 млн (60%). Не остались внакладе и государственные органы, осуществляющие приватизацию. За свою фактически посредническую деятельность они получили 577,6 млн долл., или более 10,4% всей суммы, перечисленной от приватизации в федеральный бюджет [Там же].

О полнейшем провале и бездарности проведенной в России приватизации свидетельствуют не только полученные ничтожные суммы в целом, но и особенно — на душу населения. От приватизации на душу населения в России было получено всего 54,6 долл., в то время как в Австралии — 2560,3 долл., Португалии — 2108,6, Венгрии — 1252,8, а в Италии и Великобритании более чем по 1100 долл. Доходы от приватизации на душу населения в подавляющем большинстве стран в десятки раз превышают российские [Там же].

Особенно показателен в этом отношении опыт бывших советских республик Балтии. Во всех этих республиках, как, впрочем, и у их западных соседей (например, Польши), процесс приватизации шел последовательно, без спешности, переходя от одной стадии к другой. Так, в Литве на первом этапе рынку отдали все то, что непосредственно работало на массового потребителя, т. е. сферу торговли. Затем то, что работало на тех, кто работает на тех, кто непосредственно обслуживает потребителя и т. д. Стадийность диктовалась уже тем, что эффект рыночных зависимостей распространялся волнами, с определенным шагом между ними. В отличие от других постсоциалистических государств, включая Эстонию и Латвию, здесь не использовалась напрямую процедура банкротства, а основной акцент был сделан на реструктуризацию государственных предприятий до начала приватизации. Начальный этап приватизации давал возможность персоналу покупать относительно дорогие средние, а иногда и крупные по размеру предприятия за персональные (именные) приватизационные чеки — ваучеры. Поэтому в Литве почти 75% работников промышленных предприятий являются их миноритарными акционерами. Это — социально ориентированная и наиболее солидаризирующая общество модель приватизации.

Пик этого этапа процесса разгосударствления пришелся на 1992 г., а его завершение — на конец 1994 г. И лишь с 1996 г. специально образованное Литовское приватизационное агентство приступило к открытой (на тендерах) продаже крупных предприятий за деньги. Но к этому времени в стране образовался широкий слой собственников, часть из которых стала, естественно, постепенно и цивилизованно концентрировать в своих руках значительный капитал. Остальные же во многих случаях продавали свои акции. Покупатели не располагали собственными необходимыми средствами и обращались за кредитами в национальные банки. Те, поскольку располагали недостаточны-

ми активами, обращались за кредитами в западные банки. Поэтому многие предприятия были по существу куплены на зарубежные деньги. Иностранные инвесторы также приняли участие в этом втором (денежном) этапе разгосударствления, но при праве на долю акций не выше 49%. К этому следует добавить, что в исключительных случаях в Литве, как и в других странах Балтии, случаи недобросовестной приватизации всегда пересматривались. И это не вызвало каких-либо эксцессов со стороны прежних владельцев, еще более стабилизировало общество и укрепило авторитет политической власти [Симонян 2003, с. 204–227; Симонян 2004, с. 23–42].

Такой же подход к приватизации был реализован и в Польше. Начав эти преобразования задолго до наших реформаторов, она постепенно и успешно их осуществляла. Как отмечает академик В.М. Полтерович, вопреки распространенному (в России) мнению, реформы в Польше, наиболее успешной из стран с переходной экономикой, отнюдь не были «шоковой терапией». В течение первых двух лет реформ только 11% польских государственных предприятий подверглись коммерциализации или приватизации. В России за аналогичный период 62,5% всех предприятий и организаций оказались в частной собственности. В Польше правительство вначале выставило на продажу пять (!) предприятий, высокоприбыльных и руководимых квалифицированными менеджерами.

Многие крупные предприятия еще и в начале XXI в. находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но также и потому, что по соображениям геоэкономической безопасности не должны находиться в частных руках [Колодко 2001, с. 67–71].

В 1993 г., когда в России началась чековая приватизация, по мнению Полтеровича, в стране не было ни предпринимателей, способных приобрести предприятия, ни менеджеров, умеющих руководить ими в условиях свободного рынка, ни рыночной инфраструктуры. К этому добавилась криминальная обстановка, продажность чиновников, отсутствие эффективного контроля за процессами приватизации. Многие предприятия оказались недооцененными в десятки и сотни раз, так что их будущие собственники могли рассчитывать на огромные прибыли.

«Была ли возможна менее затратная стратегия? — задает вопрос высококомпетентный автор. — Я склоняюсь к положительному ответу на этот вопрос. Приватизации должна была предшествовать коммерциализация. Начинать следовало с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизацию средних по размеру предприятий надо было отложить на 5–6 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20. Вложив средства и усилия, затраченные на приватизацию, на совершенствование управления государственными предприятиями, можно было избежать и спада в 40% ВВП, и проблем нелегитимности частной собственности, которые терзают нас до сих пор». К этому выводу он добавляет: «...и эксперты, и, тем более, политики должны принимать во внимание предпочтения граждан, а не только свои собственные. Весьма правдоподобно, что подавляющее большинство россиян предпочло бы уменьшить общественные потери от приватизации ценой некоторого увеличения “риска возврата [прежней советской системы. — О. Ш.]”. На мой взгляд, этот риск в начале 1992 г. был незначительным» [Полтерович 2005, с. 10–11].

К суждениям только что цитированного автора я бы добавил следующее. Чтобы адекватно реагировать «гражданам» на политику правящих групп, им и нужно бы стать гражданами, т. е. социально структурированным гражданским сообществом россиян, а не населением, позволяющим манипулировать собой. Очевидно, кому именно было очень выгодно, чтобы было «не как в Польше». Это была номенклатура в своей доминирующей части с присными в виде рванувших к власти и собственности «мальчиков» из либеральствующей интеллигенции, ставшими идеологической и частично организационной обслугой номенклатуры. Кстати, в Польше траектория развития, если бы зависела от номенклатуры, была бы как в России. Но там было структурированное общество, там была контрэлита, сформировавшаяся в ходе противостояния 1970—1980-х годов, поддержанная независимой от властивущих католической церковью, там было по-настоящему массовое движение, объединившее рабочих и интеллигенцию, за переход к частной собственности и демократии.

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и об угрозе советской реставрации. Подчеркивалось, что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки добиться произвольного раздела общей собственности и отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. Размышляя о феномене ускоренной приватизации, уже упоминавшийся видный польский экономист Г. Колодко подчеркивает, что «...основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укрепления финансового баланса или повышения уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен» [Колодко 2000, с. 199].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц во время своего визита в Москву в 2004 г., когда проявились уже все положительные и отрицательные стороны постсоветского развития страны, отметил, что принятая российским руководством за основу базовая экономическая модель, разработанная международными финансовыми институтами, «несет в себе очень глубокие недостатки». По его мнению, «позиция МВФ вообще никогда не имела ничего общего с экономической наукой и настоящей рыночной экономикой, она в основном несла в себе идеологический заряд. Эта модель основана на убежденности в том, что рынок сам по себе решит все проблемы... но рынкам присуща масса серьезных проблем. И если мы говорим о необходимости успешного роста, стабильного общества, нужно обеспечить баланс между рынком и государством».

В частности, приватизация, по его словам, не может быть самоцелью. Он, как и многие другие авторитетные экономисты, опирается при этом на пример Китая, который выбрал свой путь, а не следовал советам МВФ и достиг при этом феноменальных темпов роста. Относительно России, считает Стиглиц, «сейчас приходится говорить о недостаточно законно проведенной приватизации, недостатке инвестиций, несправедливом распределении ресурсов. Проблема в том, что в России был принят совершенно неверный, искаженный взгляд на суть

рыночной экономики. Конечно, кто-то получил от этого огромную выгоду». В противовес российским неолибералам этот выдающийся ученый, бесспорный сторонник рыночной экономики, предлагает «восстановить веру в государство». Одной из задач государства он считает принятие «философии», заключающейся в том, что «естественные ресурсы принадлежат народу» [Стиглиц 2004].

Его рекомендации состоят не в деприватизации. Он предлагает не вмешиваться в вопросы права на собственность. В одной из своих статей, опубликованных в конце 2003 г., он предлагает, что в России «можно было бы ввести “чрезмерный налог на прибыль с капитала”. Скажем, налог в размере 90% может быть установлен на “чрезмерную” прибыль, заработанную в результате приобретения государственной собственности. Это значит — на доходы, которые превышают 10% от суммы выручки от первоначальных инвестиций собственного капитала» [Стиглиц 2003].

Следует при этом принять во внимание отмечаемое многими аналитиками различие между формальной легальностью приватизации и ее легитимностью. Легальность была обеспечена законами и указами президента. Легальность опирается на традиции, общественное мнение, устоявшиеся правовые нормы. Между тем данные общероссийских опросов общественного мнения раз за разом подтверждают отвержение большинством россиян легитимности разгосударствления собственности. По данным ВЦИОМ (ноябрь 2004 г.) и ROMIR MONITORING (декабрь 2004 г.), сторонников статус-кво по отношению к приватизации примерно 12% по обоим опросам; сторонников национализации крупных компаний — 43—53%. Как пишет Д. Орлов, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, лишь те, кто поддерживает «разные варианты “компенсации” и “возмещения” от владельцев корпораций бюджету (25—32,9% опрошенных), способны стать опорой для легитимизации приватизации, которую могло бы принять общество на долговременной основе». Любые другие решения грозят социальным взрывом или экономическим хаосом [Орлов 2005, с. 7].

Глава Счетной палаты РФ С. Степашин, выступая в феврале 2006 г. на заседании Президиума Российской академии наук, подробно рассмотрел вопрос о характере и последствиях прошедшей в стране приватизации. Он отметил, что масштабы российской экономики резко занижены из-за недооценки стоимости активов в процессе приватизации. По оценке экспертов, в сумме такое занижение может составлять от 40 до 400 трлн долл. Кроме того, огромен объем нелегитимных активов, который образуется незарегистрированной (не оформленной) собственностью. Три четверти предприятий были проданы вообще при отсутствии какого-либо внешнего финансового контроля. А впоследствии приватизаторы старались не допустить представителей Счетной палаты к анализу условий приватизационных сделок, к оценке стартовой цены. В докладе приведены примеры просто чудовищной распродажи крупных предприятий за цену в 10—30 тыс. долл. («Авиационный комплекс им. С.В. Ильюшина»; «Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля»), хотя на момент приватизации на этих заводах имелись в наличии изготовленные самолеты и вертолеты на десятки миллионов долларов.

Выводы Счетной палаты подтверждают материалы, обобщенные в докладе Всемирного банка «Приватизация: тенденции и недавние события». Эксперты

МБ поставили Россию на 24-е место среди 120 государств по отношению доходов от приватизации. Доходы России от приватизации за 13 лет составили лишь 0,2% от объема ВВП за этот же период. От приватизации 145 тыс. предприятий бюджет пополнился только 9,7 млрд долл. Столько в настоящее время оставляют наши туристы за год за границей.

С учетом этих обобщенных данных Счетная палата признала оправданными меры по возврату в бюджет сверхприбыли, которую новые собственники получили вследствие крайне низкой оценки активов или искусственно созданных преференций, путем обложения специальным четко фиксированным налогом [Степашин 2006].

Эта идея подтверждается и позитивным опытом такой образцовой в смысле защиты прав собственности страны, как Великобритания. Там парламент в июле 1997 г. утвердил новый налог, который должны были выплачивать компании, получившие крупную выгоду от приватизации государственного имущества в 1980 г. Размер единовременной выплаты составил 23% от разницы между стоимостью приватизированной собственности в 1997 г. и его продажной ценой в 1980 г. Доходы в британский бюджет составили тогда 5,2 млрд фунтов. По существу это налог на незаработанные сверхдоходы. Ввести такой компенсационный налог в России было предложено партией «Яблоко» еще в 2003 г., т. е. до сходных предложений Счетной палаты. Очевидно, что подобный налог не только и не столько фискальная мера, а, прежде всего, инструмент решения двух проблем: а) сокращения аномальных масштабов социального неравенства; б) возрождения духа национальной солидарности, снятия социально-психологического напряжения, моральной и материальной компенсации за варварскую приватизацию, наконец, легитимации капиталов [Явлинский 2004; Митрохин 2005].

Сопоставление нравственно-психологической ситуации в России и в странах, «несспешно» и социально ориентированно проводивших приватизацию, явно и определенно не в пользу нашей страны. Вывод ясен. Так же как ясен и ответ на вопрос: в чьих социальных интересах была устроена вся эта гонка по дележу национальных богатств. Все большее сосредоточение власти и собственности в руках узкого круга лиц препятствовало формированию цивилизованной рыночной экономики и вело к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения. Сопоставление нравственно-психологической ситуации в России и в странах, «несспешно» и социально ориентированно проводивших приватизацию, явно и определенно не в пользу нашей страны.

Литература

- Бессонова О.Э. Раздаток. Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: СО РАН, 1999.
- Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
- Васильев Л.С. История Востока. М.: Высшая школа, 1994. Т. 1.
- Вишневский А., Зайончковская Ж. Четвертый вал эмиграции // Московские новости. 1992а. 9 февраля.
- Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992б. № 12.

- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.
- Геллер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. / Ред. и послесловие И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гохберг Л.М., Некипелова Е.Ф. Статистическая оценка эмиграции научных кадров // Интеллектуальная миграция в России / Под общ. ред. С.А. Кугеля. СПб.: Политехника, 1993.
- Григорьев Л. Тормоза модернизации // Известия. 2006. 15 марта.
- Делягин М.Г. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М.: Вече, 2005.
- Долгих Е. Почему уезжают ученые // Московские новости. 1993. 4 апреля.
- Ионин Л., Шкарата О. Паркинсон и бюрократы. Послесловие // Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: Сборник / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О.И. Шкарата. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Колодко Г. Глобализация и наверстывание. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М.: Изд.-во А. Мельникова, 2001.
- Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000.
- Коэн Ст. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.
- Кудров В.М. Центральная и Восточная Европа: десять лет перемен // Общественные науки и современность. 2001. № 1.
- Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1.
- Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991.
- Новая газета. 2001. 29—31 октября.
- Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (1) Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. (2) Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.
- Полеванов В.П. Технология великого обмана. М., 1995.
- Полтерович В.М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Общественные науки и современность. 2005. № 5.
- Радаев В.В., Шкарата О.И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 1.
- Российская газета. 20 августа 1992 г.
- Симонян Р.Х. Приватизация по-прибалтийски и по-российски // Свободная мысль. 2004. № 5.
- Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003.
- Синицина И., Чудакова Н. Кардинальные реформы: польский опыт // Свободная мысль. 2004. № 9.
- Степашин С. Принесенная ветром // Поиск. 2006. 10 февраля.
- Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. М.: НИИ культуры, 1991.
- Устинов И.Н. Приватизация по-российски // Политэкономия. 2001. № 11. 26 июня/ <http://politeconomy.ng.ru>.

- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003.
- Харичев И. Российская наука: быть или не быть? // Знание — сила. 2005. № 6.
- Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России / Пер. с англ. М.: «ДЕТЕКТИВ-ПРЕСС», 2001.
- Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита-пресс, 2004а.
- Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004б. № 4.
- Шкаратан О.И. Перспективы России: линеарность vs вариативность мирового развития // Мир России. 2002. № 3.
- Шкаратан О.И. От этакратизма к гражданскому обществу // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3.
- Шкаратан О.И. Парадоксы советской урбанизации // Судьбы современного города / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: Институт социологии АН СССР, 1990.
- Шкаратан О.И. Социальная структура советского города. О сущности проблемной ситуации // Судьбы современного города / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: Институт социологии АН СССР, 1990.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993.
- Radaev V., Shkaratan O. Power and Property — Evidence from the Soviet Experience // International Sociology. 1992. № 3.
- Shkaratan O. The Old and the New Masters of Russia. From Power Relations to Proprietary Relations // Sociological Research. 1992. № 5.
- Shkaratan O., Fontanel J. Conversion and Personnel in the Russian Military-Industrial —Complex // Defence and Peace Economics. Vol. 8.